

Д. А. Эльяшевич, В. А. Мутьев

Зарубежное книговедение: анализ исследовательских подходов (на примере переводных монографий)

В четвертой статье серии публикаций, посвященных современному состоянию и перспективам развития литературы по книговедению, используемой в рамках образовательных программ в российских и зарубежных вузах, обосновывается необходимость анализа монографических изданий. Подробно рассматриваются монографии, подготовленные в рамках американско-канадской, польской, французской книговедческих школ во второй половине XX – начале XXI вв. и переведенные на русский язык. Несмотря на противоречивость некоторых публикаций, делается вывод о продуктивном сосуществовании множественных исследовательских подходов (функционального, системного, семиотического, медиалогического), позволяющих дифференцированно раскрывать эвристический потенциал дисциплины. Является продолжением статьи «Публикации по книговедению и истории книги, используемые в учебном процессе за рубежом. Часть 1. Учебные издания»

Ключевые слова: книговедение, история книги, медиа, средства массовой коммуникации, семиотика, высшее образование

Dmitry A. Elyashevich, Victor A. Mutyev

Foreign book science: analysis of research approaches (on the example of translated monographs)

The fourth article in a series of publications devoted to the current state of affairs and prospects for the development of book history sources, used in educational programs in Russian and foreign universities, substantiates the need to analyze monographic publications. The works prepared in the framework of the American-Canadian, Polish, and French bibliographical schools in the second half of the XX - early XXI centuries and translated into Russian are explored in detail. Despite the inconsistency of some publications, it is concluded that multiple research approaches (functional, systematic, semiotic, mediological) coexist productively, allowing to unfold the heuristic potential of the discipline from different perspectives. It is a continuation of the article «Publications on book science and history of the book, used in the educational process abroad. Part 1. Study materials».

Keywords: book science, history of the book, media, mass communication, semiotics, higher education

DOI 10.30725/2619-0303-2020-4-180-186

Наш исследовательский проект по анализу существующей и используемой в российских и зарубежных образовательных учреждениях книговедческой литературы первоначально был ориентирован на учебные издания, подготовленные индивидуальными авторами и научно-творческими коллективами в XX в. [1–3]. В процессе изучения информационной обеспеченности дисциплин книговедческого цикла за рубежом (Амстердамский, Лейденский, Лундский, Торонтский университеты) было установлено, что монографические издания превалируют над учебными в списках рекомендуемой литературы и сборниках тем семинарских занятий. Такой подход обусловлен как рядом объективных обстоятельств, так и мировоззренческими установками разработчиков программ данных курсов.

Во всех странах мира книговедение развивается неравномерно, находясь под влиянием различных метанаучных комплексов (библиотечно-информационного, литературоведческого, медиалогического и т. д.), и его обеспеченность учебной литературой во многом зависит от доминирующей парадигмы, в рамках которой создаются (или не создаются) собственно книговедческие учебники. Иными словами, учебных изданий, соответствующих потребностям и тематическим планам конкретных университетов, достаточно мало. Книговедческие образовательные программы, как правило, представляют собой слож-

ное междисциплинарное целое, структурирующее множественные интересы профессорско-преподавательского состава, вследствие чего содержание этих программ динамично, а состав лекторов и приглашенных спикеров мобилен, что не позволяет подготовить учебник, пригодный для использования несколькими поколениями обучающихся, т. е. ставит целесообразность его существования под большой вопрос. При наличии относительной стабильности в штатном составе и устоявшейся учебно-исследовательской парадигмы такие учебники еще не написаны и ждут своего часа, а, точнее, долгой кропотливой работы международных авторских коллективов.

Вместе с тем использование в образовательном процессе учебных и монографических работ, с нашей точки зрения, обнаруживает существенные различия в применяемых дидактических тактиках и стратегиях. Преподавание, основывающееся на учебной литературе, во многом соответствует реализации на практике линейных моделей коммуникации, предполагающих определенную иерархию и однонаправленность информационного потока, исходящего от лектора, медиатизируемого посредством учебника и адресованного студенту. Это своеобразная реализация принципа благонамеренной индоктринации индивида, предполагающего, что коммуникация линейна, содержание сообщения объективно и соответствует высоким

образовательным стандартам. При допущении, что авторы учебников и учебных пособий основываются на так называемом «золотом ядре» документального потока, лежащего в основе той или иной дисциплины, а определенный эффект воздействия медиа (учебника в виде кодекса или связанного гиперссылками электронного издания, а также в любых других формах и видах), обязательно будет иметь место. Даже при условии активного или пассивного сопротивления аудитории систематичность воздействия позволит образовательной «волшебной палочке» достичь своей цели.

Применение такой коммуникационной модели на практике может иметь свои преимущества. Например, она необходима для усвоения некой суммы аксиоматических знаний, теоретического базиса, без которого последующая интеллектуальная надстройка в принципе неосуществима. Наряду с этим высшее, особенно гуманитарное, образование предполагает установку на формирование гармонично развитой личности, способной предпринимать нестандартные действия, осуществлять комплексный анализ проблем, генерировать новые и/или альтернативные идеи. Решение таких задач трудноосуществимо без активизации более сложных, интерактивных (транзакционных) коммуникационных моделей, в основе которых лежат понятия сотворчества и совместного создания смыслов, а преподавательские функции смещаются от контролирующих процесс запоминания выверенных аксиом к наставничеству, тьюторству, курированию индивидуальных траекторий развития обучающихся. Основой практического воплощения интерактивных моделей выступает монографическая литература, позволяющая продемонстрировать полипарадигмальность подходов, авторскую позицию, общее и различное в истоках научных школ, т. е. приглашает к дискуссии и размышлению, являющихся немаловажными элементами воспитания всесторонне развитой личности. Отметим, что учебники, соответствующие данной модели, все же существуют [4–5] (мы о них говорили ранее). Наиболее же эффективным представляется процесс комбинирования подходов.

Обозначенные выше теоретические основания и реальная практика реализации книговедческих дисциплин в зарубежных вузах сформировали предпосылки для расширения предмета исследования в данном цикле статей и включения в него монографических книговедческих изданий. При этом в перечень анализируемых трудов нами отобраны как собственно книговедческие работы, объект и предмет которых не вызывает сомнений и в достаточной степени традиционен для российского и зарубежного высшего образования, так и работы, вписывающие теорию и историю книги в более широкий контекст становления и развития средств коммуникации. Это монографии по своей природе медиалогические, интегрирующие систему «автор – письмо – текст – чтение – читатель» в дискурс медиаисследований.

В данной статье мы остановимся на переведенных на русский язык монографиях, число которых по-прежнему невелико, что затрудняет решение задачи по преодолению изоляционизма отечественного книговедения, поставленной (не в первый и, вероятно, не в последний раз) около 40 лет назад Е. Л. Немировским. По его инициативе в 1981 и 1991 гг. были изданы переводы трудов известных польских книговедов М. Червинского, Т. Зберского [6] и К. Мигоня [7].

Работа К. Мигоня в первую очередь интересна как историографический памятник польского книговедения. Она изобилует библиографическими ссылками, содержит большое количество фактографических данных и емко обобщает достижения восточноевропейской теории книги XX в. Польский ученый справедливо ставит вопросы о необходимости исследований проблем бытования книги «в сопоставлении с другими средствами передачи информации» [7, с. 33], демонстрирует коммуникативистский взгляд на «библиологическую проблематику», отрицает возможность замыкания на «книге-в-себе». Несмотря на современность и широкий диапазон историко-книжных исследований, К. Мигонь отмечает, что «исключительно историческое понимание книговедения» неправомерно и может иметь место только «во взглядах непричастных к книговедению людей» [7, с. 42]. Достоинство данной работы заключается в отстаивании междисциплинарного подхода к книговедческим исследованиям, применение которого способно отразить «все явления, характерные для современного этапа развития науки» [7, с. 96].

Особое внимание К. Мигонь уделяет связям книговедения с библиотековедением и библиографоведением. При этом, отмечая ряд методологических неточностей, которые допускают некоторые библиотековеды, считающие историю чтения и читателя исключительно своим предметом изучения, он отмечает, что при таком ракурсе эта история «ограничивается библиотечными аспектами <...> читательской проблематики» [7, с. 47]. Причина данных неточностей заключена в более строгой и ясной организационной и институциональной структуре библиотековедения: «библиотеки как центры исследовательской работы, библиотековедение как специализация в системе высшего образования» [7, с. 50]. Отметим, что в современной России это, в большей степени, относится не к специальности как таковой, а к наименованиям направления подготовки и факультетов, в которых существительное «библиотека» неизменно стоит на первом месте. С прикладной точки зрения такое положение вещей представляется целесообразным, так как позволяет обезопасить библиосферу от размывания границ и растворения в группах смежных специальностей и направлений. Но исследовательский вопрос, который нас интересует, может быть сформулирован следующим образом: не является ли трансляция этого инструментального (и, как мы отметили, в этом смысле – справедливого) разграничения в научную

деятельность потенциальным риском, оборачивающимся замкнутостью и отчуждением отечественного книговедения от современного транснационального социогуманитарного знания? И не отягощает ли этот процесс поиск истины и объективных закономерностей, которые не подчиняются формальной логике исторически обусловленных организационных структур? Еще одно достижение К. Мигоня – попытка экстраполяции классических схем, используемых в коммуникативистике. В частности, им косвенно [7, с. 115] и явно [7, с. 155] адаптируется для нужд книговедения известная формула коммуникации Г. Лассуэлла, что позволяет автору проблематизировать изучение книговедческих процессов, в противовес акцентуации на историко-книжных фактах, которые сами по себе «еще не создают науку» [7, с. 116]. Внимание к процессам, а не к фактам, по логике ученого, должно способствовать разработке новых критериев «периодизации библиологических явлений», в то время как уже имеющиеся варианты периодизации, основанные только на формально-хронологическом делении, «носят лишь упорядочивающий предварительный характер» [7, с. 118]. Однако читателю работы К. Мигоня следует помнить, что ее оригинальному тексту уже более 30 лет, и на смену линейности, закрытости, завершенности, свойственным исследованиям коммуникаций первой половины и, отчасти, третьей четверти XX в., пришли модели циклические, а в настоящее время – итеративные. Однако, если термин «итеративная журналистика» уже в достаточной степени освоен на страницах зарубежной печати, то «итеративного книговедения» как будто не существует, что говорит не об отсутствии явления, а о некотором запаздывании нашей науки и, следовательно, еще об одной открывающейся исследовательской перспективе.

Рассуждая о методах книговедения, польский ученый фокусируется на функциональном методе. Он в буквальном смысле очарован ленинградской функциональной школой книговедения, основные тезисы которой методично повторяются им в каждом разделе монографии. Так, подробно освещаются методы тематического и структурно-типологического анализа, который якобы должен обеспечить максимальное точное определение читательского адреса изданий. У К. Мигоня парадоксальным образом читатель одновременно и присутствует, и отсутствует в конструируемой им теории книговедения. Социология книги, чтения, литературы в качестве серьезного, крупного исследовательского направления совершенно не представлена в монографии – как не находит она своего места и в отечественных программах высшего образования. Данное направление имплицитно сопровождает книговедение на всех этапах его развития, и важнейшей насущной задачей является его всеобъемлющая экспликация. Наконец, последний важный вопрос, который обозначен К. Мигонем, но не раскрыт (что

актуально по сей день) – «о месте массовой книги среди других средств передачи информации и иных форм участия в культурном процессе» [7, с. 161]. Обращение к проблематике массовой культуры и динамике культурного процесса (подробно изученной А. Молем), конституирует дополнительную точку перехода от закрытой книговедческой системы к открытой медиалогической системе исследований книги и книжного дела.

«Наука о книге» также вводит в научный оборот российской аудитории результаты зарубежных исследований, многие из которых до сих пор остаются непереуверенными, т. е. позволяет охарактеризовать ее как справочный источник (reference work) для студентов-книговедов. Монография К. Мигоня удивительно противоречива. С одной стороны, процессы бытования книги в ней включены в культурно-исторический контекст, с другой – наблюдается гипертрофированное внимание к прагматике книжной коммуникации и, как следствие, прикладным проблемам воздействия книги на личность и общество. В такой стигматизации книги в качестве орудия воздействия четко прослеживается назидательная роль, ассоциируемая с данным средством коммуникации – роль, активно поддерживаемая традиционным книговедческим сообществом, интегрирующим в своеобразной гуманистической манере имевшие ранее распространение в научной среде теории медиаэффектов. Созидание науки о книге, не выходящей за пределы этих архаичных постулатов, по нашему глубокому убеждению, обречено на ограниченность ее потенциального развития и быстрое превращение в тупиковую ветвь интеллектуальной эволюции.

Анализируемая работа К. Мигоня, конечно, содержит в себе большое количество научных анахронизмов, одним из которых является абсолютизация функционального подхода. Вместе с тем она представляет собой качественный историографический и аналитический обзор широкого спектра научных проблем и ставит перспективные вопросы, значимость и неразработанность которых по-прежнему настоятельно требуют своего осмысления в рамках широких профессиональных дискуссий.

Попытка систематического подхода к теории книги представлена в работе поляка М. Червинского, рассматривающего книжную коммуникацию во взаимодействии с другими медиа, в первую очередь аудиовизуальными. Автор справедливо отказывается «противопоставлять «литературную» и «аудиовизуальную» точки зрения» [6, с. 17], сосуществующие и взаимодополняющие друг друга в социокультурном пространстве. Вместо этого ученый вычленяет типы отношений «книга–телевидение», разделяет средства коммуникации по степени фрагментации передаваемых сведений, предопределяющей, в свою очередь, их распределение по шкале от «автоматического приятия» до «осознанной понятийной

регистрации действительности» [6, с. 17]. Последующий анализ связан со спецификацией «актуальной коммуникации» (телевидение, радио, пресса) и «стационарной коммуникации» (книги), различия между которыми постепенно стираются, а усиливающееся круговращение названий в книжном потоке все больше приближает его к принципам функционирования других средств массовой коммуникации.

Актуальным становится вопрос изучения не абстрактного потребительского поведения читателей по отношению к книжной продукции, но исследования тех потребностей, которые формируют поведенческие привычки их удовлетворения посредством того или иного медиа, т. е. понимания, зачем, в каких ситуациях, для каких целей человек предпочитает книгу, а не какое-либо иное средство коммуникации. М. Червинский не дает точных ответов и не развивает этих положений, высказанных в тезисной форме, что не снижает его роли в постановке принципиально значимых книговедческих проблем. Если К. Мигонь интерпретирует Г. Лассулла, то М. Червинский пунктирно задает вектор исследований, созвучный теории использования и удовлетворения (в момент опубликования его труда – еще не оформившейся), вклад в которую внесли Дж. Блумлер, Э. Кац, Д. Маккуэйл и др. В этом смысле данная работа инновационна, поскольку идет не от книги к читателю, а от читателя к книге, точнее, от большого спектра потребностей потенциального читателя (не только и не столько информационных, зачастую явственно доминирующих в работах исследователей, придерживающихся документоведческой или ресурсоведческой парадигм) – потребностей, которые могут быть удовлетворены, в том числе, книгой. За этим скрывается социологичность книжного потребления, встраиваемого в систему жизнедеятельности общества, рутинизированных действий и повседневных ритуалов, для осуществления которых может и вовсе не возникнуть необходимости в книжной коммуникации.

Другой, очень современный вектор размышлений М. Червинского связан с идеей социального расслоения нового типа, под которым понимается размежевание групп, предпочитающих зрительную сиюминутную коммуникацию, и тех, кто отдает приоритет искусству слова (устного или печатного) [6, с. 42–44]. В этом расслоении, т. е. в способах медиапотребления, его обуславливающих, заключается основание информационного разрыва, фундаментальные причины которого кроются не только в неравномерном освоении информационных технологий в различных регионах мира, но и в способах их использования. При этом гегемония одного, даже самого современного средства коммуникации ведет не к сокращению, а увеличению информационного разрыва.

Аспектом, связанным с данной проблематикой, также является степень интеллектуальной активности/пассивности потребителя. Вещательные СМИ (телеви-

дение, радио) предпочтительнее для «пассивного потребителя культуры», в противовес книжному потреблению, предполагающему большую вовлеченность, по крайней мере, на этапе отбора источников. Несмотря на некоторое видоизменение этих концептов, связанное с повсеместным внедрением Интернета, трансформирующим традиционные модели медиаповедения, идея предопределенности активного/пассивного вовлечения в процесс коммуникации в зависимости от используемого канала важна и продуктивна. Более ярко эта идея стала прослеживаться с появлением и распространением нового предмета книговедческих исследований, а именно аудиокниг, использование которых уже не вполне соответствует традиционному знанию о книге и читателе.

Иной подход – семиотический – лег в основу известного труда польского ученого Т. Зберского и стал продолжением исследовательской традиции, заложенной Ф. де Соссюром, Ч. С. Пирсом и Р. Бартом.

Анализ книги как особой знаковой системы представляется плодотворным, но с некоторыми наблюдениями автора сложно согласиться полностью. Рассматривая структуру означаемого, Т. Зберский пишет, что «научное сообщение представляет собой семантически одноуровневый знак, а эстетическое сообщение – семантически двухуровневый знак» [6, с. 74]. Логика высказанного тезиса в достаточной степени ясна и подкрепляется разнообразными примерами. Вместе с тем она предполагает однозначность языка как определенного кода, знание которого обеспечивает точную дешифровку смысла, по крайней мере, в научных текстах. С нашей точки зрения, более адекватное понимание означаемого заложено в трудах Ч. С. Пирса, применявшего термин «интерпретанта», подчеркивающий вариативность нашего понимания смыслов и полифоничность означаемого, а также, как отмечают некоторые исследователи [8, с. 237], связь знака и его эффекта. Принципиальное несогласие вызывает утверждение, что «книжная орнаментика не несет семантической нагрузки и не оперирует знаками, наделенными значениями» [6, с. 80]. Такой взгляд разрушает ценность семиотического подхода и обесценивает исследования, посвященные художественному оформлению книги и внетекстовым книжным элементам.

Некоторая упрощенность в понимании семиотического анализа порождает у Т. Зберского и убежденность в том, что «переводы текста на другой язык иллюстрируют неизменность означаемого при замене означающего» [6, с. 82].

Наибольший интерес в работе Т. Зберского представляет параграф «Книга как орудие коммуникации» [6, с. 109–119] в котором исследователь предпринимает попытку анализа книги и читателя в парадигме взаимодействия «человек–машина» и социального делегирования отдельных функций искусственным объектам. В этом смысле Т. Зберский предлагает от-

казаться от пессимистичных прогнозов относительно будущего книги и изучать то, «в каких областях книга останется средством выполнения определенных функций» [6, с. 115]. К таким функциям, с его точки зрения, может относиться производство и сохранение эталонных образцов («книги-образцы»), предоставление психологического укрытия и др. Отметим, что остается открытым вопрос, какие функции человек, по объективным или субъективным причинам, продолжит делегировать именно книге, а не другим медиа.

Очевидно, что лаконичные работы М. Червинского и Т. Зберского не претендуют на революционность и не являются интеллектуальным прорывом. Тем не менее, они вносят значимый вклад в интеллектуальный капитал вдумчивого книговеда и являются важной вехой на пути книги в систему медиа применительно к восточноевропейским исследованиям.

Самой современной не только по времени выхода в свет, но и по логике и построению материала, концептуальному подходу и стилистике изложения является монография французского ученого Ф. Барбье «Европа Гутенберга: книга и изобретение западного модерна (XIII–XVI вв.)» [9]. Она, в отличие от теоретических трудов, проанализированных выше, представляет собой историко-книжное исследование, в которое искусно встроены теоретические конструкции. Подход, исповедуемый автором – медиалогический – представляется наиболее адекватным современному уровню социогуманитарного знания и чрезвычайно перспективным. Ф. Барбье помещает книгу в перманентную историю общественных трансформаций и медиареволюций, их сопровождающих, а порой и моделирующих, и предпринимает попытку взглянуть на происходившие изменения в системе медиа на макроуровне для того, чтобы понять их структурирующую роль в построении дискурса каждой конкретной эпохи. При этом достижение обозначенной цели возможно только при последовательном внедрении в исследовательский нарратив большого количества архивных и фактографических материалов, не позволяющих уйти в умозрительное философствование. Иными словами, перед нами индуктивный метод в лучшем его проявлении.

Важное место в исследовании Ф. Барбье отводится процессу урбанизации, соседствующему с формированием новых систем власти, основанных на логике «бумажных империй». Город становится новым местом концентрации населения и развития культуры, а сокращающееся пространство сельского уклада жизни сопрягается с развитием искусственной среды и знаковых систем, ее создающих. Печатное слово структурирует новые социальные порядки и регламентирует нормы и правила городской жизни, подобно тому, как сегодня цифровое слово сопутствует росту сети городских агломераций, меняющих диалогичные отношения «город – деревня», «центр – периферия» на полилогичную матрицу

«глобальной деревни». Распространение печати «порождает рациональное мышление» [9, с. 85], в основе которого – управление знаком, формирующее новые способы репрезентации социальных ролей.

Особого внимания заслуживает глава «Пути и принципы инновации» [9, с. 151–191], в которой изобретение книгопечатания представлено в логике социологии инноваций, предполагающей, наряду с изучением технологических усовершенствований в конструкции печатного станка, а также в области стандартизации типографских шрифтов и производства бумаги, обращение к микросоциологии сред. Воплощение любой инновации в жизнь начинается с малочисленных групп изобретателей, выступающих своеобразным проводником между миром новшеств и миром повседневности. То, что творцу кажется полезным и актуальным, может не удовлетворять реальных потребностей потенциальных выгодоприобретателей. Поэтому изучение книги как инновации возможно только на основе анализа социальных причин, породивших потребность в распространении этого нововведения и концентрации капитала, в том числе интеллектуального, в ряде географических центров, которые, с определенной долей условности, можно назвать инновационными кластерами своего времени.

Постепенная стандартизация и массовикация печатной книги как инновационного продукта оказывают влияние на практики чтения, которые из публичной сферы переходят в частную, формируя предпосылки для индивидуализма как новой социальной нормы. Этот процесс был аналогичен тому, как в настоящее время медиатизация повседневной жизни посредством новых каналов связи обусловила тренд на опубличивание личного пространства – процесс, который при ближайшем рассмотрении выполняет противоположную функцию, а именно деиндивидуализацию частной жизни.

Знаковыми для современного читателя должны стать приводимые Ф. Барбье примеры демонстративного отказа от печатного кодекса на заре книгопечатания в XV в., поскольку для элит лишь «манускрипт на пергамене остается “благородной” книгой» [9, с. 276]. Позднее эти консервативные предубеждения исчезнут, и ныне мы пребываем в ожидании нового витка противопоставлений и неприятия (или всецелого одобрения), на прохождение которого книговедческая наука оказалась обречена с переходом книги в виртуальную среду и появлением большого количества посткодексных форм бытования текстов (аудиокниги, подкасты и др.). Далеко не для каждой из них аналогия в прошлом очевидна, и именно это провоцирует коллективные переживания о будущем печатного слова, столь активно тиражируемые по каналам коммуникации, зачастую далеким (отметим на полях) от стабильности и практик медленного чтения.

Изменениям в интеллектуальном потреблении и чтении Ф. Барбье уделяет внимание в контексте

экономики медиа [9, с. 285–291]. Вместе с переходом от интенсивного к экстенсивному чтению открываются новые возможности коммерциализации транслируемого содержания и, соответственно, появления организационных структур, формирующих сети «одобрения и признания», «в которых каждый [автор. – Д. Э., В. М.] будет стремиться занять свое место» [9, с. 290]. Новое медиа становится движущей силой социальных трансформаций (поначалу, на локальном уровне), с которыми тесно переплетены экономические взаимоотношения субъектов хозяйственной деятельности. Таким образом, экономика медиа начинает влиять на «определение канонов», норм, правил поведения.

Одной из ключевых тем монографии Ф. Барбье стало объединение двух книговедческих сюжетов: изложения истории книги, так сказать, на уровне «железа» и на уровне «софта», позволяющее продемонстрировать, что «отставание, накопленное на уровне нового медиа, <...> сопровождается некоторым отставанием в циркуляции идей, а также в области общественной и политической модификации» [9, с. 360]. Последующая концентрация контроля над медиа и возможностями его использования создает, по мнению ученого, предпосылки для утверждения «коммуникационного империализма». Данная концепция теснейшим образом связана с идеями Г. Шиллера, Н. Хомски, О. Бойд-Барретта. Это именно та тема, в которой история книги может многое объяснить с точки зрения логики становления и развития процессов культурного доминирования, без анализа и понимания которых разработка программ по информатизации и образованию под эгидой международных организаций (ЮНЕСКО, ИФЛА и т. д.) каждый раз рискует остаться на уровне «железа» и количественных показателей. В конечном счете, именно то, как технология функционирует, адаптируется и адаптирует, позволяет говорить о подлинной социальной истории медиа.

В исследовании Ф. Барбье контекстуализирован ряд положений работ М. Маклюэна [10], Р. Дебрэ [11], Ю. Хабермаса [12], Д. Ф. Маккензи [13], Т. Ван Дейка [14], У. Липпмана [15] и многих других ученых, формирующих то, что мы могли бы назвать широким кругом современных книговедческих проблем. И если авторство интегрируемых в исследовательскую канву и последовательно развиваемых тезисов о «горячих» и «холодных» медиа, экстерниоризации человеческих способностей, изменениях в публичной сфере открывается читателю при помощи библиографических ссылок или упоминания имен ученых, то распознавание реминисценций и аллюзий, сокрытых в размышлениях о качествах и возможностях материальных носителей, оказывающих влияние на конструирование значений, о паратекстуальных элементах и их роли с точки зрения дискурсивного анализа, об инструментализации медиа в качестве политического орудия требует серьезных интеллектуальных усилий и может быть недоступно читателю после первого знакомства с данной

работой. Для студентов-книговедов опыт прочтения «Европы Гутенберга», вероятно, будет сопоставим с постижением «Улисса» или «Моллоя» без комментариев С. Хоружего и М. Кореновой соответственно. В настоящей статье мы предложили лишь основные ключи к пониманию этого сложного и элитарного в своей интеллектуальной отточенности текста, близкого по духу достижениям новейшей, преимущественно французской культурологии и медиалогии.

На сущностном уровне с работой Ф. Барбье пересекается недавно переведенная на русский язык монография выдающегося американского историка и книговеда, руководителя библиотеки Гарвардского университета Р. Дарнтон «Цензоры за работой. Как государство формирует литературу» [16]. Написанная вполне доступным для «среднего читателя» языком, она тоже построена на сочетании исследования «железа» и «софта», но уже применительно не к книжному делу в целом, а к такой неразрывно связанной с ним сферой, как государственная цензура. Рассматривая ее историю на трех таких, казалось бы, во всех смыслах далеких друг от друга примерах – эпоха революции 1789 г. во Франции, колониальная Индия второй половины XIX – начала XX вв. и социалистическая ГДР, Р. Дарнтон показывает, как, с одной стороны, механизмы цензуры утверждали монополию государства на насилие и власть, а с другой – как власть сама менялась под воздействием ею же самой изобретенных и заботливо возвращенных цензурных правил и ограничений. В этом коренное отличие работы Р. Дарнтон от множества других исследований, посвященных «железу», т. е. организационному устройству повседневной цензурной практики и примерам преследования тех или иных изданий в полном или почти полном отрыве от рассмотрения вопросов взаимодействия и взаимовлияния государства и медиапространства. Конечно, без изучения этих вопросов обойтись невозможно, но оно является лишь способом, строительным материалом для достижения более значимой в научном отношении цели – «понять общий настрой культурной системы, ее невысказанные реакции и имплицитные ценности через действия, к которым они приводят» [16, с. 10]. Рассматриваемая монография Р. Дарнтон имеет непосредственное отношение и к такой уже отмеченной нами выше сущностно близкой книговедению (правда, традиционное, узко понимаемое книговедение эту близость не признает или не осознает) проблематике, как социология литературы и чтения. Сложная система отношений и связей в социуме оказывает определяющее влияние на создаваемую книгоизданием литературу, характер которой «определяется окружающей культурной средой. Она всегда остается частью социальных систем с уникальными качествами и ключевыми принципами, вокруг которых они складываются» [16, с. 339]. С другой стороны, литература (и, следовательно, книгоиздание) способна постепенно изменять эту среду,

модифицировать ту социальную систему, в которой она функционирует. «Агентом изменений» в данном случае выступает читательская практика, и именно поэтому властям, т. е. цензуре «приходилось постоянно просчитывать эффект, который та или иная книга может произвести, попавшись на глаза обществу» [16, с. 333–334]. Наконец, важнейшей особенностью монографии Р. Дарнтон является вполне успешная попытка связать историю с современностью. Сегодня, в цифровую эпоху, ассоциирующуюся, казалось бы, с безграничной интернет-свободой, цензура как способ утверждения и охраны государственной монополии на власть никуда не исчезла. Конечно, она видоизменилась, более или менее успешно приспособилась к условиям тотальной медиатизации социума, но ее могущество отнюдь не пошатнулось. Понять и, как следствие, до некоторой степени противостоять механизм подавления свободы самовыражения невозможно, не изучив и не осознав богатый и разнообразный цензурный опыт прошлого.

Представляется, что предпринятый в настоящей статье анализ переведенных на русский язык книговедческих и «условно книговедческих» монографий демонстрирует множественность исследовательских подходов (функционального, системного, семиотического, медиалогического), успешно сочетающихся в зарубежной науке и, во многом, являющихся комплементарными по отношению друг к другу. Такое многоголосие создает базис для комплексного освоения дисциплины и раскрытия ее эвристического потенциала.

Список литературы

1. Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Отечественные учебники по общему книговедению // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 4. С. 179–183.
2. Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Отечественные учебники по истории книги // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 1. С. 177–187.
3. Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Публикации по книговедению и истории книги, используемые в учебном процессе за рубежом. Часть 1. Учебные издания // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 2. С. 181–189.
4. Finkelstein D., McCleery A. An introduction to book history. London; New York: Routledge, 2013. 175 p.
5. Levy M., Mole T. The Broadview introduction to book history. Peterborough (Ontario): Broadview press, 2017. 256 p.
6. Червинский М. Система книги / М. Червинский. Семиотика книги / Т. Зберский. М.: Книга, 1981. 128 с.
7. Мигонь К. Наука о книге: очерк проблематики. М.: Книга, 1991. 198 с.
8. Лукьянова Н. А. Коммуникативные миры Ч. С. Пирса // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 1. С. 235–243.
9. Барбье Ф. Европа Гутенберга: книга и изобретение западного модерна (XIII–XVI вв.) / пер. с фр. И. Кушнарево; под науч. ред. А. Марковой. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 491 с.

10. Маклюэн Г. М. Понимание медиа. М.: Кучково поле, 2011. 464 с.
11. Дебрэ Р. Введение в медиологию. М.: Праксис, 2009. 362 с.
12. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исслед. относительно категории буржуаз. о-ва. М.: Весь мир, 2016. 342 с.
13. McKenzie D. F. Bibliography and the sociology of texts. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. 130 p.
14. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: URSS; Либроком, 2013. 340 с.
15. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2004. 382 с.
16. Дарнтон Р. Цензоры за работой. Как государство формирует литературу. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 384 с.

References

1. El'yashevich D. A., Mut'ev V. A. Local textbooks on the theory of book science. Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture. 2019. 4, 179–183 (in Russ.).
2. El'yashevich D. A., Mut'ev V. A. Local textbooks on the history of the book. Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture. 2020. 1, 177–187 (in Russ.).
3. El'yashevich D. A., Mut'ev V. A. Publications on book science and history of the book, used in the educational process abroad. Part 1. Study materials. Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture. 2020. 2, 181–189 (in Russ.).
4. Finkelstein D., McCleery A. An introduction to book history. London; New York: Routledge, 2013. 175.
5. Levy M., Mole T. The broadview introduction to book history. Peterborough, Ontario: Broadview Press, 2017. 256.
6. Chervinsky M. System of the book / M. Chervinsky. Semiotics of the book / T. Zbersky. M.: Kniga, 1981. 128 (in Russ.).
7. Migon' K. Book science: a problem-oriented essay. M.: Kniga, 1991. 198 (in Russ.).
8. Lukyanova N. A. Communicative worlds of Ch. S. Peirce. Scientific and technical bulletin of the St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and Social Sciences. 2012. 1, 235–243 (in Russ.).
9. Barbier F.; Kushnareva I. (transl.); Markova A. (sci. ed.). Gutenberg's Europe: the book and the invention of western modernity (XIII–XVI centuries). M.: Gajdar Inst. Publ. house, 2018. 491 (in Russ.).
10. McLuhan H. M. Understanding media. M.: Kuchkovo pole, 2011. 464 (in Russ.).
11. Debrje R. Introduction to medialogy. M.: Praksis, 2009. 362 (in Russ.).
12. Habermas Ju. The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society. M.: Ves' mir, 2016. 342 (in Russ.).
13. McKenzie D. F. Bibliography and the sociology of texts. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. 130.
14. Dejk T. A. van. Discourse and power: a representation of dominance in language and communication. M.: URSS; Librokom, 2013. 340 (in Russ.).
15. Lippman U.; Barchunova T. V. (transl.). Public opinion. M.: In-t Fonda «Obshhestv. mnenie», 2004. 382 (in Russ.).
16. Darnton R. Censors at work. How states shaped literature. M.: Novoe lit. obozrenie, 2017. 384 (in Russ.).